

ұсына отырып өзінің ОА аймағындағы ролін күшейтуге дайындығын көрсетіп отыр, бұл өз кезегінде ПИР сыртқы саясатында Орталық Азия бағытының артықшылығы бар екендігі туралы тұжырым жасауға негіз береді. Экономикадағы дағдарыс және Пәкістанның сыртқы елдерге энергетикалық тәуелділігі ПИР басшылығын тауарларды сататын жаңа рыноктар іздеуге, қосымша көлік қатынасы жолдарын іздеуге, ПИР қуат көздерін ОА республикаларынан және ЭБҰ басқа да елдерінен тарту немесе сол елдердің аумағы арқылы тасымалдау жобаларын жүзеге асыруды мәжбүр етіп отыр.

Осыны жүзеге асыру үшін екіжақты және көпжақты ынтымақтастықты дамытуға барлық алғышарттар жасалған. Орталық Азия елдерінде көлік қатынасы желілері мен мұнай құбырларын тарту жобаларын дамыту және олардың Үнді мұхит порттарына және де ең бастысы Пәкістанның Карачи қаласына жетуі ПИР Орталық Азиядағы жаңа тәуелсіз мемлекеттермен қарым-қатынастарды дамытуға септігін тигізеді. Бұған қоса «...ОА елдері басшыларының ынтымақтастықты кеңейтуге мүдделі» [5; 96] екендігін жасырмайтындығы» мәселеге қосымша әсер бере түседі.

ӘДЕБИЕТТЕР

1. Энциклопедия Пакистана. Под ред. Ю.В. Ганковского. -Москва: Наука, 1999. -370 с.
2. Индия: достижения и проблемы. Материалы научной конференции. – М.: ИВ РАН. 2002 107. «Индия: страна и ее регионы», отв. ред. Е.Ю.Ванина. –М., 2000.
3. Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в Мировой политике. –М.: Международные-отношения, 2003. – 178 с.
4. Лаумулин М., Калиева Д. СВМДА: итоги и перспективы. «Казахстанская правда». 11 июня 2002 г. Выпуск 15 //http://www.fp.ru/bulletin.
5. Пахомов Е. Кашмир нынче дорог. Азия. Противостояние Ежедневный журнал.- 18.01.2001.- №002 //http://supernew.ej.ru

Редакцияға 10.03.2011 қабылданды.

С. М. ЛИСНЯК

РОЛЬ ФРГ В ВОПРОСЕ ИНТЕГРАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

This article examines the role of Germany in the process of integration of the European Union, as well as the continuity of the European integration process and strengthening the power of a united Germany within the European Union. In addition, an analysis of policies of Germany from the inception of the Common Market until the formation of the European Union, as well as exploring contemporary trends in German government policy towards the EU.

Исследованию интеграционных процессов, олицетворяющих особый тип взаимоотношений между суверенными государствами, посвящено немало трудов ученых и специалистов в области не только международных отношений, но и международной экономики и международного права. Не стал исключением и европейский региональный интеграционный процесс, который впоследствии стал отправной точкой в процессе появления множества разнообразных интеграционных союзов во всем мире.

История XX века, на протяжении которого европейская интеграция стала реальностью, высветила два фундаментальных отличия развернувшихся в Европе процессов объединения от прежних представлений о их возможном характере. Постепенно стало очевидным, что европейские страны, имеющие долгую историю национальной государственности, не склонны к федеративному устройству континента, о котором говорили многие гуманисты прошлого - от доминиканского монаха Пьера Дюбуа в XIV столетии до Пьера-Жозефа Прудона в XIX-м, - как не спешат они и отказываться от своих национальных особенностей ради превращения в единую общность, о чем много говорили в начале XX века. Именно поэтому важнейшие вехи раннего периода интеграции - от не оставившего заметных следов Европейского торгового и таможенного союза 1926 года до Европейского объединения угля и стали 1951 года и Европейского экономического сообщества 1957 года - относятся к экономической сфере, тогда как в политической области даже в самые драматичные моменты не удавалось достичь впечатляющего прорыва (достаточно вспомнить отказ французской Национальной ассамблеи ратифицировать договор о создании Соглашение о Европейской безопасности в 1954 году)[1]. Таким образом, хозяйственная интеграция на протяжении ряда послевоенных десятилетий определяла все развитие общеевропейского проекта.

Закономерности, выявившиеся уже на первых этапах европейской интеграции, представляются нам чрезвычайно важными, так как именно они могут дать ключ к пониманию того, с какими трудностями этот процесс сталкивается сегодня и какие проблемы могут оказаться наиболее сложными в ближайшем будущем. Однако, прежде чем обратиться к этим закономерностям, следует возможно более четко определить фундаментальную основу, причины, движущие силы и характер процесса европейской интеграции в 50-80-е годы.

Фундаментальной основой европейской интеграции, несомненно, были и остаются социокультурная близость европейских народов и общность их исторических судеб. Со времен средневековья Европа представляла собой культурное целое, объединявшееся христианской религией, привычным для образованных классов латинским языком, развитой торговлей и даже, как напоминают некоторые авторы, прецедентами единой военной политики - например, во времена крестовых походов. Позднее Европа явилась народам других континентов как единый центр, откуда по миру распространились характерные для эпохи Просвещения идеалы гражданского общества и личной свободы, принципы государственного демократического устройства и уважения прав человека. В своем уникальном качестве создателя завоевавших общемировое признание новых ценностей и смыслов Европа стала подлинным творцом Истории, с этой точки зрения она представляла перед человечеством как нечто целое и, тем самым, получала дополнительные стимулы к внутреннему единству.

Однако все эти обстоятельства, способствовавшие европейской интеграции, не были ее актуальными причинами. Причины же активизации процессов объединения, начавшихся сразу по окончании Второй мировой войны, носили не столько культурный, сколько сугубо политический характер. Первой из них стало осознание катастрофичности результатов двух войн, прокатившихся по Европе на протяжении жизни одного поколения, и вывод о несовместимости перспектив возрождения Европы и нового военного конфликта между Германией и другими странами континента; как писал У.Черчилль, «цель прекращения тысячелетней вражды между Францией и Германией представляется мне главной задачей; только привязав галлов и тевтонов друг к другу в экономическом, социальном и нравственном отношениях столь прочно, чтобы исключить возникновение новой стычки, и заставив прошлые антагонизмы замолкнуть во взаимной зависимости и процветании, Европа сможет подняться с колен»[2]. Второй, не менее существенной причиной стало беспрецедентное ослабление позиций европейских стран на мировой арене; одним из основных импульсов к объединению Европы послужило признание слабости по отношению к внешнему миру. Когда Европа почувствовала угрозу извне, необходимость европейского единения стала очевидной. Тем самым следует со всей определенностью признать, что, в отличие от фундаментальных основ европейской интеграции, имевших в значительной степени социокультурную природу, ее непосредственные причины целиком и полностью лежали в политической плоскости. Более того, нельзя не отметить, что эти политические цели вряд ли могли быть решены политическими методами, серьезно дискредитировавшими себя в предшествующие годы; именно поэтому первыми шагами на пути интеграции стали шаги, сделанные в экономической сфере.

Они были предприняты правительствами и политическими элитами европейских стран, которые и выступили движущими силами интеграционных процессов в первые послевоенные десятилетия. Практически на любом своем этапе европейская интеграция получала очередные импульсы из реакции политиков на те или иные явления и тенденции: стремясь к хозяйственному восстановлению своих стран и активизации экономических связей между ними, лидеры Франции, Германии, Италии и стран Бенилюкса подписали в Риме 25 мая 1957 года Договор об образовании Европейского экономического сообщества; руководствуясь представлениями об интересах Франции, президент Ш. де Голль 14 января 1963 года наложил вето на вступление Британии в ЕЭС; на фоне первого расширения Европейского экономического сообщества в октябре 1972 года была принята Парижская декларация, в которой в качестве основного ориентира провозглашалось создание Европейского Союза, эта цель была подтверждена в Фонтенбло 25-26 июня 1984 года; в 1992 году руководителями стран ЕЭС был подписан Маастрихтский договор, ратификация которого продемонстрировала весьма прохладное отношение многих европейцев к предложенным в нем принципам и целям и, наконец, в обстановке, далекой от единодушия, в странах ЕС была создана единая общеевропейская валюта, введенная сначала в безналичный (в 1999 году), а затем и в наличный оборот (в 2002 году). Отнюдь не подвергая сомнению правильность предложенного правительствами подхода к европейской интеграции как к процессу, инициированному и направляемому «сверху», необходимо бы подчеркнуть, что он неизбежно оказывался весьма уязвимым в случае утраты такой политической поддержки, а подобная возможность становилась все более реальной по мере того как интеграция начинала угрожать суверенным правам национальных политических элит. Между тем, при доминировании политических методов интеграции ее задачи оставались до поры до времени сугубо экономическими. Создание Европейского объединения угля и стали в 1951 г., Европейского экономического сообщества в 1957-м, расширения ЕЭС в 1973, 1981 и 1986 гг., Единый Европейский акт 1986 г. - все эти успешно реализованные проекты прежде всего служили превращению Европы в единый хозяйственный организм, устранили искусственные барьеры на пути движения товаров, капиталов и рабочей силы, расширяли европейский рынок, делали европейскую экономику более конкурентоспособной. Однако хотя экономическое единство континента и создавало предпосылки к политической интеграции, само по себе оно не формировало (да и не могло формировать) ни единой государственности, ни четкой европейской самобытности, способной отчасти включить в себя, отчасти преодолеть самоидентификацию европейцев с отдельными национальными государствами.

Сегодня, с позиций ретроспективы, можно утверждать, что процесс европейской интеграции, на всех его этапах имевший целью, пусть формальной и не вполне четко артикулированной, построение единой

Европы, в понятие которой каждый из его участников вкладывал свой смысл, никогда не задавался четкой схемой, которая могла бы рассматриваться в качестве раз и навсегда принятого проекта[3]. Это определяет характер процесса европейской интеграции. На наш взгляд, вся ее история подтвердила жизнеспособность этого подхода, позволявшего по мере необходимости корректировать и модифицировать как сами непосредственные задачи, так и методы их решения. Важнейшим его преимуществом, как мы полагаем, оказалось то, что он всегда оставлял возможность как для ускорения, так и для замедления интеграционных процессов, ибо переход от решения одной задачи к решению другой не был предопределен, а становился результатом осознанного выбора участников. Иначе говоря, вплоть до конца 80-х годов каждый этап европейской интеграции мог рассматриваться в качестве относительно самодостаточного, открывающего возможности для новых достижений, но не требующего следующего шага непреодолимым образом. Подобное положение, в свою очередь, определяло способность политических элит в полной мере регулировать данный процесс и сохранять свой контроль над ним.

Однако в середине 80-х годов европейские политики столкнулись с ситуацией, когда, с одной стороны, чисто экономическая интеграция стран была практически завершена, а с другой, степень политического единства была явно неадекватной новым задачам, возникавшим в условиях распада Советского Союза и завершения «холодной войны». Предпринятые на этом этапе действия, сколь необходимые, столь и неизбежные, выявили наиболее сложные противоречия, с которыми приходится сегодня сталкиваться формирующейся единой Европе.

Конец 80-х годов стал для Европейского Сообщества периодом серьезных испытаний. Скептическое отношение к европейской интеграции было в то время доминирующим; объединение Германии порождало мощную силу, способную претендовать на лидирующие позиции на континенте, а распад СССР и быстрые преобразования в странах, бывших его сателлитами, размывали казавшиеся прежде прочными и неизменными границы самой объединенной Европы. Именно в такой ситуации был подписан Маастрихтский договор, целью которого провозглашалось закрепление достигнутых результатов европейской интеграции и определение ее новых ориентиров; между тем не менее важной задачей было изменение самого, если так можно выразиться, формата европейского проекта, придание ему более ясных форм, создание своего рода символов, подчеркивающих и ежеминутно подтверждающих идею европейского единства. Этими символами, родившимися в маастрихтских дебатах, стали прежде всего единая общеевропейская валюта и принцип единого общеевропейского гражданства.

Но этот путь естественным образом вел к превращению прежнего процесса достижения преимущественно экономических целей преимущественно политическими методами в самоподдерживающийся процесс экономических, социальных, политических и социопсихологических перемен, который далеко не всегда и далеко не в прежней мере мог регулироваться национальными политическими элитами.

Многие европейские политики считают, что сам Европейский Союз получит от расширения своих границ в восточном направлении гарантию от экономического коллапса и установления в этой зоне авторитарных режимов, которые явились бы угрозой не только непосредственно ряду европейских политиков, большому равновесию внутри самого союза, прежде всего учитывая растущую силу Германии. Это особенно важно, поскольку франко-германский тандем в последнее время начинает давать сбои. Кроме того, таким путем не только Германия, но и другие страны-члены ЕС закрепили бы свое влияние в этой части Европы, хотя уже сейчас 50% торговли центрально- и восточноевропейских стран приходится на страны Запада. В связи с этим следует иметь в виду, что, по расчетам западных экономистов, Центральная Европа в скором времени может превратиться в одну из наиболее быстро развивающихся частей континента.

К числу активных сторонников расширения ЕС на восток относится и бывший президент Европейского банка реконструкции и развития Жак Аттали, в свое время неоднократно заявлявший, что Европа состоит не из двенадцати, а из сорока государств. Он считал, что даже в 2000 г. будет уже слишком поздно включать их в ЕС. И если это не произойдет в нужный момент, то «Запад станет главным виновником крушения демократии на Востоке»[4].

Свой взгляд на проблему расширения ЕС высказал и Жак Делор. Еще будучи председателем КЕС, Делор заявил, что «границы объединенной Европы проходят по границам Советского Союза, а это значит, что к объединенной Европе могут принадлежать Польша, Чешская Республика, Венгрия, Словакия, Словения, Болгария, Румыния, Албания, Кипр и Мальта». Он добавил: «Нельзя забывать о трех балтийских государствах, а затем, если в бывшей Югославии вновь воцарится мир, почему бы не включить Боснию, Хорватию, Македонию и то, что теперь стало союзом Сербии и Черногории. У Европейского союза нет выбора, и «интеграция является единственным способом который дает возможность выжить в этом новом мире, полном опасностей, но также и надежд»[4]. Вместе с тем отдельные страны - члены ЕС имеют собственные интересы, которые не сводятся к политическим установкам находящихся у власти партий, а экономическая составляющая расширения постепенно будет усиливаться.

Выступая активным участником валютного союза и инициатором процесса дальнейшего расширения ЕС, ФРГ заявляет о своей возросшей ответственности за поддержание мировой стабильности и безопасности. Глобализация ее внешнеполитических интересов выражается прежде всего в ее стремлении получить место в Совете Безопасности ООН.

Одним из важных факторов европейского интеграционного процесса становится сегодня усиление координации наднациональной политики государств-членов ЕС и увеличение влияния ФРГ на формирование этой политики.

Для ФРГ политика в отношении европейского объединения всегда имела важное значение, т.к. позволяла ей расстаться со своим националистическим прошлым и обрести достойное место в европейской системе государств. Благодаря активному участию в интеграционной структуре ЕС Федеративной Республике удалось не только укрепить свои ведущие позиции в Европе, но и обеспечить решение исторической проблемы — национального воссоединения страны. В этом смысле объединение двух германских государств, ФРГ и ГДР, служит примером того, какую пользу может принести интеграционный процесс для обеспечения национально-государственных интересов.

Для Европейского сообщества ФРГ в свою очередь всегда служила «локомотивом», продвигавшим интеграционное строительство к более тесному наднациональному сотрудничеству во всех областях. Она стояла у истоков объединения отдельных отраслей промышленности западноевропейских стран, активно участвовала в создании единого рынка, а затем экономического и валютного союза, выступила инициатором проведения совместной внешней политики, политики в области обороны и безопасности, а в настоящее время ведет неуклонный курс на расширение и углубление интеграции с целью создания более тесного союза.

Таким образом, вопрос о том, какой политики будет придерживаться 82-миллионный европейский гигант, который после распада СССР активно укрепляет свои экономические и политические позиции в Центральной и Восточной Европе, волнует как его партнеров по ЕС, так и руководство неевропейских государств, в том числе и Республики Казахстан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иноземцев В.Л. Кузнецова Е.С. Дилеммы европейской интеграции//Космополис 2002, №1
2. Цит. по Борко Ю.А. Эволюция взглядов на европейскую интеграцию в СССР и России: политический и научный подходы//http://edc.spb.ru
3. Кузнецова Л.И. Кузьменко В.П. С позиции осторожного оптимизма//Политика и время, 1998, №9
4. Цит. по Погорельская С.В. Границы политической интеграции? Некоторые проблемы дальнейшего развития совместной политики ЕЭС//http://inion.ru

Поступила в редакцию 21.12.2010.

Д.А. ЖИЕНБЕК

РОЛЬ МУЗЫКИ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ШКОЛЬНИКОВ НА СРЕДНЕМ ЭТАПЕ

One of the most effective ways of influencing on feelings and emotions of pupils is the music representing strong mental stimulus, getting into latent depths of consciousness.

The refore, the role of music in studying of English language is invaluable.

Одним из более эффективных способов воздействия на чувства и эмоции школьников является музыка, представляющая собой «сильнейший психический побудитель, проникающий в подспудные глубины сознания». Известный педагог Ян Амос Коменский писал, что тот, кто не знает музыки, уподобляется не знающему грамоты.

Как показывает знакомство с современными технологиями интенсивного обучения иностранным языкам, музыка и используется с самого начала существования интенсивных курсов в основном ее применение рекомендуется для отдыха, снятия напряжения в конце урока.

На самом деле роль музыки многогранна и чисто просто незаменима, особенно при технологии интенсивного обучения иностранному языку.

Используемые музыки на уроках иностранного языка активизирует работу мозга. Так, музыка барокко, сонаты Моцарта, произведения Баха вплоть до современного джаза благоприятно влияют на умственные способности обучающихся. Воздействие музыки приводит к более интенсивному сообщению между различными отделами мозга, что способствует слаженной работе обоих полушарий мозга человека.

Музыка – это сильное средство воздействия на учащихся, особенно когда возникает из предлагаемых обстоятельств сценария урока и вплетается в «ткань» всего занятия, пронизывая его.

В ходе работы с учащимися средних классов было установлено, что ритмизированный мелодизированный учебный материал выполняет важную дидактическую функцию, заключающуюся в облегчении запоминания.